

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-358-379>
<https://elibrary.ru/GKIPMB>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Москва против Ленинграда: конкуренция в поле культуры эпохи нэпа (на материале архивных разысканий в фондах Госиздата)

© 2025, Д.С. Московская

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Архивные разыскание позволили реконструировать и представить в настоящей статье историю противостояния головного офиса Госиздата в Москве и Ленгиза как его структурного подразделения. Показано, что в этом конфликте, начатом в 1923 г., ярко проявился «географический фактор» характерных для этого времени непростых отношений властного центра страны и периферии — национальных республик и Ленинграда как культурного центра бывшей империи. На примере ряда институций культуры делается вывод, что в период становления советской государственности, в ситуации нэпа строительство властной вертикали требовало увязки централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью отдельных регионов и организаций в целях оптимизации производства. В процессе согласования обнаружилось, что соотношение культурных сил центра и периферии не всегда складывалось в пользу руководящего центра. Архивные документы доказывают, что Ленгиз использовал более эффективную издательскую политику, которая определяла его нежелание выполнять требования головного офиса в Москве и подчиняться его распоряжениям. Установлено, что в стремлении к торговой и финансовой независимости Ленгиз был поддержан Ленинградским облгубисполкомом. Этот конфликт между головным офисом Госиздата в Москве и Ленгизом отразил общее противоречие времени между ценностью культурного капитала и производственными целями государственного строительства, девальвировавшими в тот момент значение культурного наследия.

Ключевые слова: литературные институции, книгоиздание, нэп, Госиздат, Ленгиз, хозрасчет, организационная структура, централизм, автономия, конкуренция.

Информация об авторе: Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая отделом рукописей,

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>

E-mail: d.moskovskaya@bk.ru

Для цитирования: *Московская Д.С.* Москва против Ленинграда: конкуренция в поле культуры эпохи нэпа (на материале архивных разысканий в фондах Госиздата) // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 358–379. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-358-379>

Введение

...в Ленинграде одна литература, в Москве другая...

Ю. Тынянов, 1925

Создание Государственного издательства РСФСР пришлось на годы гражданской войны. 21 мая 1919 г. было опубликовано постановление ВЦИК «О Государственном издательстве»¹. Отныне Госиздат становился единым аппаратом печатного слова Республики. В ГИЗе сливались издательства ЦИКа, Наркомпроса, Московского и Петроградского советов депутатов, а также частно-кооперативные издательства. Издательская деятельность советских учреждений в той части, которая касалась общеполитических и культурных вопросов, подчинялась ГИЗу и находилась под его контролем даже в том случае, если эти учреждения продолжали собственную издательскую деятельность. Единство Госиздата обеспечивала его организационная структура и порядок взаимодействия подразделений друг с другом и Наркоматом просвещения. ГИЗ состоял при Наркомпросе, имея во главе Редакционную коллегию², председатель и члены которой назначались Совнаркомом по представлению Наркомпроса и утверждались ВЦИКом, соответственно председатель был подотчетен последним. Центральная редакция являлась организатором всей деятельности ГИЗа и несла за нее ответственность. Для более эффективной работы Центральной редакции было разрешено вырабатывать внутренние инструкции на основе Положения о Госиздате и в его развитие.

В 1921 г. Постановлением ВЦИК ГИЗ был введен в структуру Наркомпроса РСФСР, а председатель редакционной коллегии ГИЗа вошел в состав редколлегии Наркомата просвещения. Эти решения совпали с началом нэпа, объявленного в марте 1921 г. на X съезде

¹ Известия. 1919. 21 мая.

² Вслед за изменениями организационной структуры Госиздата в 1920-е гг. центральный управляющий орган именовался по-разному: Центральная редакция, Главная контора, Главное управление, Правление.

РКП(б). Первый период нэпа, когда осуществлялся переход на хозрасчет, проходил в стране в обстановке экономической катастрофы, политического кризиса и при отсутствии внутреннего рынка. Следующий этап был отмечен значительным оживлением торговли, расцветом рынка книжной продукции, который сопровождался вызывавшими тревогу властей политико-идеологическими процессами: «переход к новой экономической политике, наряду с упрочением позиций социализма, вызвал рост новой буржуазии (торговцы, арендаторы, скупщики, предприниматели, кулаки и пр.), которая оказывала ожесточенное сопротивление социалистическому строительству. <...> Эта борьба, указывал В.И. Ленин, будет еще более отчаянной и более жестокой, чем борьба с Колчаком и Деникиным»³. Финансово-экономическая конкуренция за рынок сбыта и покупателя сказывалась дублированием книжной продукции и тратой материальных средств — явлениями столь масштабными и в политическом смысле значимыми, что о них в 1923 г. подробно говорилось в постановлении XII съезда РКП(б): «если хозрасчет несомненно оживил наши издательства и дал им возможность работать на прочных и здоровых основаниях, то, с другой стороны, коммерческая независимость внесла разноречивую в их работу, в результате чего на рынок выбрасывается подчас ненужная, плохо подготовленная литература, что ведет к засорению книжного рынка и к растрачиванию материальных сил и средств. Считая, что это обстоятельство составляет не малую угрозу всему нашему книжному делу, необходимо наладить известную согласованность в работе наших издательств, не нарушая, однако, их хозяйственной самостоятельности. <...> XII съезд поручает ЦК выработать и провести в жизнь необходимые мероприятия по упорядочению издания классиков марксизма (ускорения выпуска их Госиздатом, запрещения переиздавать без проверки и подписи соответствующих ответственных редакций и пр.)»⁴.

Указание резолюции партсъезда, адресованное Госиздату как единому государственному аппарату печатного слова, требовало немедленной реакции и пересмотра порядка работы ГИЗа, хотя было очевидно, что требование упорядочения издательской деятельности, ради которого и создавался ГИЗ, противоречило ситуации нэпа, предполагавшего хозрасчет и свободную конкуренцию на рынке книжной продукции, а с ними право на финансовую и торговую автономии институций культуры. Последние, чтобы развиваться и осва-

³ Двенадцатый съезд РКП(б) 17–26 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. С. VII.

⁴ Там же. С. 711–712.

ивать новые рынки, нуждались в юридической свободе от властных центров и в финансовой самостоятельности и были готовы к борьбе за них, сказавшейся на разных уровнях и в разных аспектах институциональной деятельности.

Формы конкуренции в поле культуры эпохи нэпа

В первые годы нэпа главной задачей государства было сплочение просоветски настроенных сил для восстановления народного хозяйства и ликвидации безграмотности. В это время объединение деятелей культуры попутнической и сменовеховской ориентации рассматривалось как помощь партии в агитационно-пропагандистской работе среди выжидающих интеллигентов внутри страны и за рубежом. Однако именно это время превратило поле культуры в арену раздора между наследниками культурных традиций прошлого, представителями дореволюционной интеллигенции и получившей право на культуру и творчество трудовой массой. Пролетарские писательские союзы стремились обеспечить себе доминирование на рынке литературного производства, преодолев высокую рыночную стоимость писательского профессионализма попутчиков социальным заказом, идеологической выдержанностью, партийностью мировоззрения, и привлекали к себе внимание Отдела печати ЦК предложением объединить под эгидой Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) рабоче-крестьянские кадры не только Российской Федерации, но и вошедших в состав советского государства национальных республик. Всесоюзное совещание (конференция) ассоциаций пролетарских писателей, состоявшееся в январе 1925 г., собралось в Москве делегатов со всего Союза, впервые после создания СССР представив «все направления, все течения пролетарской литературы и все объединения всех национальностей, населяющих СССР»⁵. Закономерно, что центром объединения должна была стать Москва, где на Тверской 25 обосновались руководящие органы ВАППа. Конференция тогда не завершилась объединением пролетарских сил, т. к. сопротивление делегатов национальных республик стремлению ВАППа сконцентрировать в Москве все властные функции было слишком велико [8], однако потребность в преодолении центробежных тенденций и в управлении культурными процессами из единого столичного центра не ослабела.

⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 38. Л. 1.

Попытки создания всесоюзного пролетарского писательского объединения предпринимались параллельно с собиранием общероссийских писательских сил. На 1925–1927 гг. приходится «конструирование» Федерации объединений советских писателей (ФОСП). Инициатива создания ФОСП исходила от ВАППа, поддержанного Отделом печати ЦК. Учреждение ФОСП в ноябре 1927 г. манифестировало наступление желанного для партии нового этапа в советском литературном процессе, когда классовая рознь между интеллигенцией и «пролетарями» будет устранена и создадутся условия для централизованного управления литературным производством через финансовые инструменты и идеологический контроль [7]. Иначе смысл федерирования виделся комфракции ВАППа. В преддверии официального учреждения ФОСП она пыталась навязать Отделу печати собственное видение организационного устройства и политических оснований такого единства. В представленной ВАППом в Отдел печати записке предлагалось передать ВАППу как «по-большевистски настроенной массовой пролетлитературной организации» право проводить в ФОСП «политику руководства и обработки попутчиков»⁶. Таким образом, в целом позитивный для строящегося управленческие вертикали молодого государства процесс централизации создавал условия для осуществления не только основной задачи эффективного управления культурой, но и для разрешения острого конфликта эпохи нэпа — прекращения борьбы между попутчиками и пролетарско-крестьянскими творческими кадрами и разрешения ее в пользу пролетарских культурных практик [9].

Незалеченный революцией конфликт между двумя важнейшими социальными слоями, один из которых представлял «производительные силы» страны, другой являлся ее интеллектуальной «надстройкой», разнообразно сказался в организационном строительстве целого ряда институтов культуры 1920-х гг., закономерно включив в себя «географический» фактор отношений властного центра страны и периферии в лице национальных республик и Ленинграда как культурного центра бывшей империи.

Непростые отношения Москвы и Ленинграда проявлялись всякий раз по-разному, но с одинаковым итогом подавления центром попыток самостоятельного осуществления культурной политики в регионе. ВАПП, получивший руководящую роль в Федерации, повел борьбу с Ленинградским отделением ФОСП, отказавшимся осудить действия попутнической группы «Перевал», что привело

⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 155. Ед. хр. 129. Л. 8.

к инициации ВАППом в конце июля 1929 г. проверки Правлением ФОСП своего Ленинградского отделения. Проверкой было установлено, что в ЛО ФОСП процветает местничество и кастовая замкнутость, групповщина, преодолеть которые может лишь массовый приток пролетарской молодежи, красноармейцев и краснофлотцев, а также укрепление связи с московским центром ФОСП. Кроме того, оказалось, что в ЛО ФОСП нет постоянно действующей комфракции и партийная работа там почти не ведется⁷. Таким образом, партийная вертикаль, строящаяся московской, руководимой ВАППом комфракцией ФОСП, должным образом не работала: Ленинградское отделение функционировало автономно.

Следующий удар московский центр ФОСП метил во Всероссийский союз писателей (ВСП). Его идейным предшественником был созданный в 1918 г. в Петрограде Союз деятелей художественной литературы. Собранный к 1919 г. до 170 членов, среди которых были как молодые писатели, так и профессионалы (с момента возникновения союза и по 5 августа 1918 г. членами Совета числились Н. Гумилев, В. Трахтенберг, Ю. Слезкин, Н. Энгельгардт, Ан. И Ал. Чеботаревские, А. Кайдаров, С. Кондрушкин, М. Горький, Ф. Зелинский и др., председателем Союза был Ф. Сологуб), он претендовал на то, чтобы стать крупнейшим литературным центром страны, и возможности для этого, как отмечают историки этого объединения, существовали [10; 14, с. 454–456]. «Дело Пильняка и Замятина», формально связанное с публикацией за рубежом «Красного дерева» и романа «Мы», позволило комфракции ФОСП расформировать старое руководство ВСП 5 сентября 1929 г., а саму организацию переименовать во Всероссийский союз советских писателей (ВССП). Далее была разгромлена секция переводчиков ЛО ФОСП [6]. Материалы ФОСП в Отделе рукописей ИМЛИ РАН резюмируют результаты инициированной центром проверки Ленинградской секции переводчиков: «Признали секцию переводчиков аполитичной, не подготовила кадров, академична по характеру, может принести только вред. По социальному признаку 16 дворян, пролетарский элемент совершенно отсутствует. Средний возраст 30–40 лет, 4 пенсионера, молодняка всего 5 человек. Не боролась с привилегированным положением тех переводчиков, которые получают книги из заграницы и потому монопольно обеспечены работой»⁸. Решением Правления ФОСП секция переводчиков была распущена и создана комиссия по ее чистке.

⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Ед. хр. 67. Л. 2–3.

⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 51. Ед. хр. 62. Л. 85.

Тот же характер социально-политического противостояния центра и периферии имело насильственное слияние Московского общества драматургов и композиторов (МОДПиК) и ленинградского Драмсоюза во Всероссийское общество драматургов и композиторов (Всеросскомдрам) [11]. Процесс объединения, начавшийся в разгар нэпа в 1925 г., совершался трудно, хотя потребность в едином обществе ощущали различные зрелищные предприятия, страдавшие от необходимости деловых сношений с двумя параллельно работающими и мешающими друг другу организациями. Однако идея слияния под управлением Москвы не устраивала большинство членов Драмсоюза: они предложили федерирование, предполагавшее хозяйственную автономию объединяющихся сторон. Такая организационная структура была апробирована ФОСП, но разрушена захватившим руководство комфракцией ВАППом. И хотя идея федеративной организации объединенного Общества драматургов и композиторов «встретила сочувствие» партийного состава Драмсоюза и была согласована с Облкомом ВКП (б) Ленинграда, в конце октября 1928 г. совещание партийных фракций обоих Обществ вынесло решение о слиянии на основе «московского» проекта. Академия наук СССР в лице ее неперменного секретаря ленинградца С.Ф. Ольденбурга выступила в поддержку сохранения Ленинградского общества, письмо соответствующего содержания от имени Академии наук было отправлено в Москву главе Наркомпроса А.В. Луначарскому. Но несмотря на существенную поддержку авторитетных лиц, проект федерации драмсоюзов Москвы и Ленинграда, подготовленный в преддверии 1929 г., не был реализован, а слияние двух обществ во Всеросскомдрам в 1930 г. превратилось в простое поглощение Драмсоюза МОДПиКом: в Правление Всеросскомдрама вошло два человека от Драмсоюза и одиннадцать от МОДПиКа. Как отмечает Т.М. Горяева, «реорганизация московского и ленинградского обществ драматургов и писателей <...> имела под собой скрытую форму борьбы с независимым и материально автономным Драмсоюзом. На самом деле суть этого объединения заключалась в создании монополии на сбор и распределение авторских гонораров под контролем и руководством соответствующего правительственного органа и НКП союзных республик. В качестве меры по легальному устранению Драмсоюза предлагались дискредитация в целях лишения его общественного авторитета, вскрытие реакционных тенденций и лишения его покровительства органов НКП. При этом рекомендовались методы материального давления, административного наказания и морального воздействия» [2, с. 11]. В 1930 г. борьба двух

конкурирующих обществ закончилась и началась история единого Общества эпохи социалистической реконструкции.

Подобную тяжбу с Москвой в 1923–1925 гг. затеяло и Ленинградское отделение Госиздата. Здесь столь же ясно, как в организационных нестроениях ФОСП, ВАППа, Всеросскомдрама, выразилась новая социально-политическая ситуация, когда строительство государственной вертикали вошло в противотечение с допущенной нэпом хозяйственной самостоятельностью, попутно обнаружив, что соотношение культурных сил центра и периферии не всегда складывалось в пользу руководящего центра. В конфликт оказывались вовлечены местные звенья исполнительной власти — облисполкомы, которым в перерывах между областными съездами советов передавались законодательные полномочия [12]. Противостояние в поле культуры между центром и регионами отражало общее противоречие времени между ценностью культурного капитала и производственными целями государственного строительства, девальвирующими значение культурного наследия.

Дело об обследовании Государственного издательства РСФСР НК РКИ РСФСР в 1924–1925 гг.

В знаменательный для дальнейших судеб ГИЗа 1923 г. сошлись несколько обстоятельств: постановление XII партийного съезда привлекло внимание к издательским делам, а 2 июля 1923 г. Совнарком утвердил новое «Положение о государственном издательстве», опубликованное 13 июля 1923 г., согласно которому Редакционная коллегия ГИЗа стала совещательным органом, правление — руководящим, президиум — исполнительным. Общее руководство деятельностью издательства осуществлял Наркомпрос, в идеологическом отношении — Отдел печати ЦК РКП(б). По этому положению упразднялись секторы редакционный, производственный, финансовый, объединялись и укрупнялись отделы редакционного сектора, становившиеся «самостоятельными издательскими единицами». Последние формировались, как и прежде, соответственно выпускаемому типу изданий или виду литературы и получали право: «1) привлекать авторов, переводчиков, составителей, рецензентов; 2) составлять издательские планы и утверждать их в соответствующих организациях» [16, с. 129]. Но уже в 1924 г. такого рода децентрализация привела к организационной неразберихе. В том же году обновленная решением XII партсъезда Рабоче-крестьянская инспекция, отныне ставшая объединенным органом партийного и советского контро-

ля — наркоматом РКИ, оказалась вполне готова к исполнению своих обязанностей по каждой из ветвей власти с целью оперативного выявления недостатков и их искоренения, в данном случае в Наркомпросе и его структурном подразделении Госиздате, обнаружившим к тому моменту организационные нестроения.

История Государственного издательства РСФСР как подведомственного подразделения Наркомпроса сегодня хорошо изучена [3; 13; 14; 15; 16]. Политико-идеологический аспект деятельности Госиздата, получившего после учреждения в нем Политотдела право контролировать «идеологическую чистоту» книжной продукции и в этом качестве ставшего предшественником Главлита⁹, главного цензурного органа страны, рассмотрен в исследованиях Т.М. Горяевой [1; 2], М.А. Зеленова [4] и Ш. Фицпатрик [17]. В аспектах организационном и персонифицированном этот орган Наркомпроса описан авторским коллективом монографии «Институты управления культурой», где в виде схем представлена меняющаяся во времени организационная структура этого госучреждения¹⁰. Основными источниками информации для указанного труда стали фонды ГАРФ: Государственного издательства РСФСР (Госиздат, ГИЗ) Наркомпроса РСФСР (1919–1930) — Ф. Р-395, и Объединения государственных книжно-журнальных издательств РСФСР (ОГИЗ) при Наркомпросе РСФСР (1930–1940) — Ф. Р-4851. Однако, как отметили составители, среди изученных материалов в основном отсутствовали необходимые документы, фиксирующие структуру Госиздата и поясняющие ее частые изменения. Тем не менее имеющихся в ГАРФ первоисточников достаточно, чтобы на документальной основе реконструировать ряд значимых сюжетов в той части организационных перестроек ГИЗа, которая была вызвана конфликтом его Главного управления с Ленинградским отделением. В частности, «Дело об обследовании Государственного издательства РСФСР» представляет собой итог заверченного 30 марта 1924 г. обследования Госиздата старшим инспектором Просздравсобеса Рабоче-крестьянской инспекции К. Завьяловой и заключение по вопросу «взаимоотношения с Ленинградским отделением Гиза (Ленгизом)», подготовленное 6 февраля 1925 г.

⁹ В целях объединения всех видов цензуры печатных произведений 6 июня 1922 г. учреждается Главное управление по делам литературы и издательства (Главлит) с заведующим, назначаемым Коллегией НКП РСФСР. Постановление СНК РСФСР от 9 февраля 1923 г. учреждает при Главлите Комитет по контролю за репертуаром (Главрепертком).

¹⁰ Институты управления культурой в период становления. 1917–1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 230–292; структура Главлита: С. 103–104, 122–123, 139–140.

Как следует из документов обследования, заведующий ГИЗа О.Ю. Шмидт оставался убежденным сторонником децентрализации как основного метода руководства хозяйственными предприятиями, при этом признавал практическую невозможность Госиздату быть координирующим издательскую деятельность в стране органом. Так, Ленинградское отделение ГИЗа создавало много проблем Правлению, оказавшись в значительной степени экономически самостоятельным и не считавшим себя в какой-либо степени ответственным перед ним, — положение, не устроившее РКИ. Главным обстоятельством, вызвавшим тревогу инспектора Завьяловой, была организационная неразбериха, сказавшаяся в непроясненной и непрестанно меняющейся структуре ГИЗа. К. Завьяловой было установлено:

1. дублирование органов идеологического контроля, когда ведение политической стороной изданий осуществлялось как Главной редакцией, так и Политотделом;

2. децентрализация работы отделов и секторов ГИЗа, действующих как самостоятельные хозяйственные предприятия;

3. разорванность литературной, технической, идеологической и редакционной обработки книги по различным отделам;

4. непрерывные и невозвращаемые субсидии, которыми покрываются убытки отделов или секторов, состоящих на хозрасчете;

5. фактическое отсутствие ответственности Ленгиза перед Главным управлением, вызванное предоставленной Ленгизу автономией, приведшей к нарушению единства ГИЗа как издательского аппарата НКПроса и превращению Ленгиза из Отделения ГИЗа в самостоятельное книгоиздательство;

6. отсутствие у НКПроса общего принципиального подхода к деятельности ГИЗа и контроля за ней.

Следовал вывод: история взаимоотношений Наркомпроса с ГИЗом и Главного управления с Ленгизом доказывает, что ГИЗ не представляет собой планомерно продуманной организации, воплощающей определенные принципы в четкие организационные формы, те, что были заложены Положением 1919 г.¹¹

Централизм vs автономия

Обследование отношений Правления с Ленгизом установило момент, когда их рабочие контакты переросли в конфликт. С лета

¹¹ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 13. Ед. хр. 179. 30 л. Отпечатано для служебного пользования: Выводы и предложения Просздравобес инспекции НКРКИ РСФСР по обследованию Ленинградского отделения Госиздата. [М., 1926]. 8 с.

1923 г. Правление руководствовалось новым Положением о ГИЗе, утвержденным СНК 21 мая того же года. Согласно этому положению, Главная редакция была аппаратом, ведающим редакционной и идеологической стороной изданий, тогда как за подготовку книг отвечали различные отделы. Организующим центром являлось Управление делами, однако на практике каждый из отделов имел самостоятельное делопроизводство: централизм существовал наряду с нагромождением управленческих аппаратов по отделам и предприятиям. В этих условиях Ленгиз превратился из отделения ГИЗа в самостоятельное книгоиздательство, функционировал без контроля со стороны Правления и органической связи с ним как структурного подразделения, что с неудовольствием констатировал даже последовательный сторонник децентрализации и хозрасчета О.Ю. Шмидт. Вот почему вопрос о реорганизации ГИЗа и разработки положения о Ленгизе в 1923 г. стал чрезвычайно остро.

16 февраля 1924 г. доклад о взаимоотношениях Главного правления с Ленгизом был заслушан в Президиуме Коллегии Наркомата просвещения. Президиум высказался «о желательности представления Ленгизу небольшой автономии, но без нарушения единства ГИЗа как издательского аппарата НКПроса». Эту точку зрения поддержало и Правление ГИЗа, полагавшее, что автономия Ленгиза в редакционной и издательской работе слишком велика. Правление выступало «решительно против выделения Ленгиза в самостоятельное издательство», что и было зафиксировано в протоколе от **18 февраля 1924 г.** Конфликт Правления с ЛО ГИЗа был рассмотрен на заседании комиссии НКПроса **8 марта 1924 г.**, последовала выработка проекта Положения о ЛО. Основные его пункты устанавливали, что Ленгиз, являясь отделением ГИЗа, обладает утвержденным НКПросом правом на определенный капитал и самостоятельные финансовые операции, за которые Правление не несет ответственности, равно как и на самостоятельное пополнение редакционного портфеля в пределах утвержденного редколлегией Правления редакционного плана. Существенным моментом проекта было право Ленгиза торговать по всему СССР, ограниченное, однако, тем, что открывать свои отделения и магазины Ленгиз мог только в тех местах, где таковых не было от Правления ГИЗа¹². **10 марта 1924 г.** на заседании Коллегии НКПроса разработанный комиссией проект был представлен на рассмотрение; согласно проекту, с **1 апреля 1924 г.** торгсектор Правления получал право производить у Ленинградского отделения

¹² ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Ед. хр. 2693. Л. 45.

ежемесячный забор в размере не менее 100 000 рублей нетто товаров по своему выбору. Это решение вызвало жесткий отпор Ленгиза. И уже на экстренном заседании Правления ГИЗа от **3 апреля 1924 г.** права Ленгиза на независимую от Москвы торговлю были в полном объеме восстановлены. Ленгиз получил право вести торговлю по всей территории СССР, «как и торговый аппарат Главного Управления». Таким образом, Ленгиз стал, по сути, из отделения ГИЗа самостоятельным книгоиздательством. Но это решение не прекратило трения Ленгиза и Главного правления.

10 апреля 1924 г. ревизионная комиссия ГИЗа в своем отношении обращала внимание Коллегии НКПроса на то, что поддержанное Правлением решение ведет к созданию «двух фактически самостоятельных книготорговлей». Завершенное к тому моменту, **30 марта 1924 г.**, новое обследование инспекцией Просздравсобес РКИ выявило слабость организации управленческого аппарата ГИЗа по отношению к другим частям, а **27 июня 1924 г.** ревизионная комиссия ГИЗа определила положение Ленгиза как «полную редакционно-издательскую независимость», с которой Наркомпрос не должен был мириться¹³. В ответ **29 сентября 1924 г.** Коллегия НКПроса заявляет о необходимости направления «комиссии для обследования Ленинградского Отделения ГИЗа»¹⁴.

Важно отметить, что в своем стремлении к независимости Ленгиз не был одинок: он опирался на Ленинградский губисполком, отделом которого являлся согласно постановлению ВЦИК от 21 мая 1919 г. **2 июля 1924 г.** Пленум Ленгубисполкома, заслушав доклад председателя ЛО ГИЗа И.И. Ионова, констатировал, что «организационное положение Ленгиза до 1 января 1924 г., предписанное Правлением ГИЗа, приводило к искусственному сжиманию возможностей Ленинградского отделения, самого старого из советских издательств, достаточно зарекомендованного с идеологической и технической сторон. Это организационное положение, построенное по линии жесткого “главкизма”, пресекало возможности пополнения редакционного портфеля, <...> сужало возможность их распространения на торговом рынке <...> благодаря требованию отправки всех книг

¹³ О.Ю. Шмидт, считавший, что крупное универсальное издательство слишком неповоротливо, чтобы оперативно удовлетворять потребности страны в разнообразной номенклатуре книжной продукции, в июне 1924 г. разработал свой проект реорганизации издательского дела, по которому предполагалось создание «отдельных издательских единиц: 1) социально-экономическая и политическая литература; 2) учебники и учебные пособия для школ; 3) научное, научно-техническое и научно-популярное издательство; 4) издательство массовой рабочей-крестьянской литературы; 5) издательство литературно-художественное» [16, с. 126].

¹⁴ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 13. Ед. хр. 179. Л. 17.

в Москву»¹⁵. Ленгубисполком постановил тогда считать деловую автономию ЛО первым правильным шагом Правления и Коллегии Наркомпроса на пути укрепления Ленгиза на всесоюзном книжном рынке и сохранить ее. В то же время проект Положения о Ленгизе, рассмотренный 10 марта 1924 г. и признавший право торгсектора Правления производить у Ленинградского отделения ежемесячный забор в размере не менее 100 000 рублей нетто товаров по своему выбору, Ленгубисполкомом не был принят. Выписка из протокола заседания Президиума Ленинградского губисполкома от **2 августа 1924 г.** гласила: «признать проект положения о ЛО Госизадата, представленный и одобренный Наркомпросом 10 марта 1924 г., неприемлемым и поручить тов. Ионову совместно с Орготделом Президиума Губисполкома разработать проект Положения, предоставив его на утверждение Президиума Губисполкома»¹⁶.

Однако это решение Ленгубисполкома вскоре было оспорено Наркомпросом. Как выше отмечалось, постановление Коллегии Наркомпроса от **29 сентября 1924 г.** признало необходимость обследования Ленинградского отделения ГИЗа специально организованной комиссией. Запрошенный тогда по вопросу о трениях с Ленгизом председатель Правления ГИЗа О.Ю. Шмидт указал их основные причины. Первой он назвал неподчинение Ленгиза ни одному из постановлений об организационных взаимоотношениях. Второй явилось то, что «Ленгиз был источником больших хозяйственных потерь для Главного Управления»: Ленгизу безвозмездно отошла типография, арендованная Главным управлением, как и запасы бумаги в ней. Так же безвозмездно к Ленгизу перешли запасы национализированных книг, купленных Правлением ГИЗа у НКПпроса. Весьма часты были случаи присвоения Ленгизом книг, печатавшихся в Ленинградских типографиях по заказам Правления. Комиссия по обследованию Ленгиза пришла к выводу: «Тяжелая картина взаимоотношений с Ленгизом определенно указывает, что децентрализация в ГИЗе часто имела неприятные последствия, ложившиеся всей тяжестью на Главное управление». Следовал вывод: «никакие частичные реформы не оздоровят ГИЗа, если внимание руководящих органов и Правления ГИЗа не будет направлено на радикальное уничтожение вышеуказанных отрицательных явлений и тех условий, которые их порождали»¹⁷. Выводы комиссии касались первых трех составов Правления ГИЗа, с 10 сентября 1923 г. по 1 декабря 1924 г. возглав-

¹⁵ ГАРФ. Ф. А-404. Оп. 12. Ед. хр. 1157. Л. 1.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Ед. хр. 2693. Л. 48.

¹⁷ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 13. Ед. хр. 179. Л. 17–18.

ляемых О.Ю. Шмидтом, когда, как значилось в докладе по итогам проверки, «уродливый централизм существовал наряду с анархией».

С 1 декабря 1924 г. Правление возглавил ленинградец И.И. Ионов. В протоколе от **18 декабря 1924 г.** Правление постановило автономию редакционных частей сохранить, но координировать их работу в редакционно-плановой комиссии. Было решено слить управленческий аппарат Ленгиза с издательским аппаратом ГИЗа. Произошла и коренная смена состава Правления: Ленгиз фактически превратился в часть единого издательского механизма Наркомпроса. Но в силу неопределенности общего положения вопрос об организационной схеме Ленгиза остался не проясненным и был поставлен вновь лишь в марте 1925 г., когда Ионов вернулся в Ленгиз в качестве его заведующего.

7–10 октября 1925 г. ЛО ГИЗ было вновь обследовано под руководством Управляющего Просздравсобес Инспекцией тов. Кучменко представителями РКИ и Наркомпроса. В состав проверяющей комиссии также вошли представители Ленинградского Губисполкома (Цыперович¹⁸ и Я.М. Малецкий¹⁹), ГКК (Крицберг²⁰), ЛГОНО (З.И. Лилина²¹ и К.И. Шмаков²²), Губпрофсовета и Губпроса (Л.И. Мастыкер²³), а также самого Ленгиза (Ионов и Белицкий²⁴). Ленинградские представители, по-видимому, повлияли на выводы комиссии, в которых поведение Ленгиза оправдывалось существовавшей юридической и организационной непроясненностью его положения в системе Наркомпроса, не позволяющей «ясно и точно ответить на вопрос: что такое Ленгиз — вполне самостоятельный орган государственного издательства или ленинградская часть единого Госиздата»²⁵. Вывод комиссии гласил: «Ленгиз был, в сущности говоря, всецело предоставлен самому себе». При этом комиссия нашла возможность поддержать деятельность Ленгиза: «Однако неблагоприятное воздействие на организационную работу Госиздата

¹⁸ Григорий Владимирович Цыперович (Цыперович) (1871–1932) — в 1921–1929 гг. работал в Петроградском (Ленинградском) совнархозе, член Президиума, в 1925–1929 гг. руководитель Ленинградской областной плановой комиссии.

¹⁹ Яков Маркович Малецкий (1894–1938) — член Ленсовета, председатель Красногвардейского райсовета Ленинграда.

²⁰ Биографические данные не установлены.

²¹ Злата Ионовна Лилина (урожд. Бернштейн, 1882–1929) — вторая жена Г.Е. Зиновьева, сестра Ильи Ионова.

²² Кирилл Иванович Шмаков (1886–1941?) — в 1917 г. комиссар Петергофского уезда Петроградской губ.

²³ Лев Иоселевич Мастыкер (1890–1942?), биографические данные не установлены.

²⁴ Ефим Яковлевич Белицкий (1895–1940) в 1924 г. работал заместителем заведующего Ленинградским отделением Госиздата РСФСР, возглавлял издательство «Эпоха».

²⁵ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 12. Ед. хр. 1159. Л. 2.

и Ленгиза, невыясненности их взаимоотношений, особенно тяжелое для Ленгиза, возмещалось для последнего как бессменностью его главного руководителя <И.И. Ионова>, отличающегося к тому же крупной энергией и чисто библиофильскою преданностью культуре книги, так и устойчивостью состава его ближайших помощников, в массе отличающегося и преданностью, и любовью к издательскому делу вообще и издательству Ленгиз в особенности»²⁶.

Пожалуй, важнее этих общих выводов было документальное подтверждение того, что работа ЛО ГИЗа была эффективнее и успешнее работы Правления. Было выявлено, что по шести основным группам изданий — учебно-воспитательных, социально-экономических, литературно-художественных, учебно-профессиональных, научных, научно-популярных Ленгиз опережал московский Госиздат в продажах от 4,9 до 16, 6 %. Расходимость изданий Лениздата была равна 83,3 %, что на 10,4 % было выше, чем у Госиздата. «Такой высокий процент расходимости можно было бы объяснить широтой охвата рынка, но подобное объяснение должно быть категорически отвергнуто»²⁷. Комиссия указала, что Ленгиз отличается, прежде всего, «доброкачественность ленгизовской продукции в буквальном смысле слова: внутренняя и внешняя доброкачественность»²⁸, которая и позволила ЛО преодолеть свою вынужденную зависимость в торговых операциях от Госиздата. Отмечалась и коммерческая успешность Ленгиза, использовавшего так называемое «сезонирование» литературы, т. е. распределения процессов обработки и печатания изданий с таким расчетом, чтобы книга выходила в тот момент, когда она может рассчитывать на наибольший спрос. Была замечена также высокая скорость прохождения рукописей в редсекторе, где учет движения рукописи производится по карточной системе и должен быть признан налаженным и дающим полную возможность как контроля за движением рукописей, так и быстрого получения справок. Несмотря на неопределенность взаимоотношений Ленгиза с Госиздатом, оказывающую отрицательное влияние на построение производственных планов Ленгиза в 1924–1925 г., Ленгиз составлял на оба года свои отдельные рабочие планы и стремился к их выполнению. Комиссия заключила: «ленгизовская книга дешевле довоенной и дореволюционной»²⁹.

²⁶ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 12. Ед. хр. 1159. Л. 2.

²⁷ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 12. Ед. хр. 1159. Л. 27.

²⁸ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 12. Ед. хр. 1159. Л. 28.

²⁹ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 12. Ед. хр. 1158. Л. 20.

20 января 1926 г. по результатам октябрьского обследования Просздравсобес инспекцией НКРКИ РСФСР Ленинградского отделения Госиздата Коллегия НКРКИ РСФСР постановила в месячный срок Правлению Госиздата «разработать и представить на заключение НКРКИ РСФСР детальный проект организационного построения Ленинградского отделения, учитывая установленные при обследовании пожелания»³⁰. Оценив достижения Ленгиза по удешевлению выпускаемой книжной продукции, комиссия отметила основные недостатки работы Ленгиза:

- отсутствие согласования с Правлением и Коллегией Наркомпроса производственных планов;
- при общем высоком проценте (82 %) выполнения плана включение в статистику внеплановых «(“самотечных”)» изданий, вызывающих сокращение чисто плановых заданий»;
- отсутствие связи с деревенской кооперацией;
- «недостаточность числа изданий, рассчитанных по изложению на мало подготовленного крестьянского читателя»;
- запоздалый выпуск учебников и «незначительность процента рукописей учебников Ленгиза, прошедших до отправки в ГУС предварительную методическую оценку и рецензирование»;
- «незначительность числа выпускаемых к календарным агиткампаниям брошюр, рассчитанных по цене на читателя-одиночку»;
- «необходимость систематического понижения коэффициента расценки массовой литературы»;
- условность бухгалтерских балансов «вследствие отсутствия в них точной инвентаризации некоторых материальных (товарных) ценностей, неполной выверки расчетов с третьими лицами и условной, вопреки существующим положениям, оценки товаров (книг)»;
- непредоставление в соответствующие инстанции полного финансово-производственного плана. И т. д.

Таким образом, начатое в марте 1924 г. обследование к началу 1926 г. показало, что положение Ленгиза было шатким; как свидетельствовал О. Мандельштам 2 февраля 1926 г.: «Ленгиз — разворошенный муравейник. Тенденция — не то сжать, не то уничтожить. Никто ничего не знает и не понимает»³¹.

³⁰ Выводы и предложения Просздравсобес инспекции НКРКИ РСФСР... С. 1. Далее этот 8-страничный документ цитируется без указания страниц.

³¹ Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. / сост. А.Г. Мец. СПб.: Гиперион, 2020. Т. 3: Проза. Письма. С. 339.

Госиздат в эпоху реконструкции

Документированный архивными материалами очерк истории взаимоотношений Ленгиза с Главным управлением Госиздата в годы нэпа отчасти поясняет причины, приведшие в июле 1930 г. к ликвидации Госиздата: он так и не смог стать координирующим издательскую деятельность аппаратом Наркомпроса, стремившимся оптимизировать книжное производство РСФСР³². В тяжбе НК РКИ с Ленгизом прослеживался начатый в 1926 г. и возобладавший в эпоху реконструкции курс на бюрократизацию и управление из единого центра культурными и политико-идеологическими процессами страны. Принятый в апреле 1929 г. план первой пятилетки вступил в противоречие с многоукладностью в книгоиздании, которая сохранялась вследствие рыхлости структуры Госиздата и малой авторитетности Правления ГИЗа. Процесс формирования государственной монополии на печатное дело был успешно завершён в июле 1930 г. Это был переломный в истории страны год. Он шёл под знаком провозглашённого в апреле 1929 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) реконструктивного периода во всех областях жизни. В политике и культуре, как ее зеркале, достигла кульминации борьба с троцкистским крылом: разгром «воронщины», дискуссия в Комакадемии 1929–1930 гг. о творчестве попутчиков — Леонова, Булгакова, Пильняка, Клычкова, Эренбурга, А. Толстого, Романова, Орешина, Мандельштама, И. Новикова, Сергеева-Ценского³³. В науке — дело «историков». На лето 1930 г. пришлась новая волна борьбы с кулачеством, а 25 ноября – 7 декабря 1930 г. разворачивается процесс «Промпартии» над спецами дореволюционной закалки как над сознательными вредителями. В Наркомпросе была ликвидирована Главнаука.

Тогда же по постановлению ЦК ВКП (б) «О работе Госиздата РСФСР и об объединении издательского дела» при Наркомпросе РСФСР был создан ОГИЗ — объединение крупных типизированных издательств РСФСР. Характерные для эпохи нэпа сепаратная борьба и попытки уклонения от директив центра, свободная конкуренция, которая переводила внимание издательств с идеологии на рентабельность, сопровождавшаяся захватом читательского потребительского рынка и торговых площадок, были пресечены. В условиях первой пятилетки ОГИЗ взял на себя координацию всей издательской деятельности в стране, осуществление общего планирования, руко-

³² Институты управления культурой в период становления. С. 238–240.

³³ См.: Буржуазные тенденции в современной литературе: Доклады в Коммунистической академии. М.: Изд-во Ком. академии, 1930. 136 с.

водство сбытом продукции и подготовкой кадров, финансированием и снабжением. И не только это. Осенью 1930 г. РАПП принимает постановление о призыве ударников производства в литературу и показе героев труда как «генеральной теме пролетарской литературы» и вызывает на заседание своего секретариата вновь назначенного главу ОГИЗа А.Б. Халатова с требованием всемерной поддержки издательских установок РАППа³⁴. Эти и другие требования и лозунги самой одиозной писательской группировки того времени ОГИЗ безропотно принимает к реализации.

Литература

1. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с
2. Горяева Т.М. Служебная роль советской литературы. Исторический аспект проблемы // Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1: 1925 – июнь 1941 г. С. 5–24.
3. Динерштейн Е.А. Положившие первый камень. Госиздат и его руководители. М.: Книга, 1972. 173 с.
4. Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б)–ВКП(б): цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород: Волго-Вятская Академия государственной службы, 2000. 540 с.
5. Издательское дело в первые годы Советской власти (1917–1922). М.: Книга, 1972. 240 с.
6. Кукушкина Т.А. К истории секции ленинградских переводчиков (1924–1932) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. М.: НЛЮ, 2014. С. 638–682.
7. Московская Д.С. «Без божества, без вдохновения», или как РАПП нашел себе работу в ФОСП // *Slavic Literatures*. 2024. Vol. 146–148. С. 81–119. DOI: 10.1016/j.slalit.2024.05.005
8. Московская Д.С. От Союза советских республик к Союзу советских писателей: институциональные коллизии производства пролетарской литературы 1920–1930-х годов // *Новое литературное обозрение*. 2024. № 6. С. 131–151. DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_131
9. Московская Д.С., Гальцова Е.Д. В борьбе за пролетарскую литературу: финансовая и политическая составляющие // *Codex manuscriptus*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 5: Эстетика коммунизма: теории и литературные практики. С. 223–276. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-5-223-276>
10. Муромский В.П. Союз деятелей художественной литературы (1918–1919 гг.) // Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1910–1930-х гг.: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2002. Кн. 1. С. 125–196.

³⁴ ОР ИМЛИ. Ф.40. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 86.

11. *Плотников К.И.* Всероссийскомдрам и его предшественники: к истории профессиональных организаций драматургов в России XIX–XX вв. // *Codex manuscriptus*. М.: ИМЛИ РАН. Вып. 3: Документальная история русской литературы первой половины XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 329–359. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-329-359>
12. *Саран А.Ю.* Система исполнительной власти областного звена в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. // *Управленческое консультирование*. 2016. № 9. С. 184–190.
13. *Старостин Ю.Н.* Из истории Госиздата (1917–1922) // *Административно-командная система управления. Проблемы и факты*. М.: РГГУ, 1992. С. 121–132.
14. *Ширмаков П.П.* К истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти: Союз деятелей художественной литературы (1918–1919 гг.) // *Вопросы советской литературы*. М.; Л.: АН СССР, 1958. Вып. 7. С. 454–475.
15. *Шомракова И.А.* Госиздат и местные отделения // *Книжное дело Петербурга — Петрограда — Ленинграда: Рус. демократическая книга*. Л.: ЛГИК, 1983. С. 73–89.
16. *Шомракова И.А.* Госиздат и проблемы оптимальной структуры советского издательского дела // *Книга и культура*. М.: Наука, 1979. С. 120–132.
17. *Fitzpatrick Sh.* The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts Under Lunacharsky, October 1917–1921. London: Cambridge University Press, 1970. 416 p.

Research Article

Moscow Versus Leningrad: The Rivalry in the Cultural Field of the NEP Era (Based on Archival Research in the State Publishing House Collections)

© 2025. Daria S. Moskovskaya

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: Archival research enables to reconstruct and present the history of the confrontation between the head office of Gosizdat in Moscow and Leningrad as its structural unit. The article shows that this conflict, which began in 1923, clearly manifested the “geographical factor” of the uneasy relations between the country’s power center and periphery, represented by the national republics, and Leningrad as the cultural center of the former empire. Using the example of several cultural institutions, the article concludes that in the formative period of Soviet statehood and the situation of the New Economic Policy, the construction of a power vertical required linking centralized management with the economic independence of regions and organizations to optimize the production process. Ultimately, the balance of

cultural forces between the center and the periphery did not always work out in favor of the governing center. Archival documents prove that Lengiz conducted a more effective publishing policy, which determined his unwillingness to comply with the requirements of the head office in Moscow and obey its orders. The article establishes that in striving for commercial and financial independence, Lengiz was supported by the Leningrad Regional Executive Committee. The conflict between the head office of Gosizdat in Moscow and Lengiz reflected the general contradiction of the time between the value of cultural capital and the production goals of state construction, which devalued the importance of cultural heritage at that time.

Keywords: literary institutions, book publishing, NEP, State Publishing House (Gosizdat), Leningrad State Publishing House (Lenghiz), self-financing, organizational structure, centralism, autonomy, competition.

Information about the author: Daria S. Moskovskaya, DSc in Philology, Director of Research, Head of the Manuscript Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>

E-mail: d.moskovskaya@bk.ru

For citation: Moskovskaya, D.S. "Moscow Versus Leningrad: The Rivalry in the Cultural Field of the NEP Era (Based on Archival Research in the State Publishing House Collections)." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 358–379. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-358-379>

References

1. Gorიაeva, T.M. *Politicheskaja tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg.* [*Political Censorship in the USSR. 1917–1991*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 407 p. (In Russ.)
2. Gorიაeva, T.M. "Sluzhebnaia rol' sovetskoi literatury. Istoricheskii aspekt problem" ["The Auxiliary Role of Soviet Literature. The Historical Aspect of the Problem"]. *Mezhdru molotom i nakoval'nei. Soiuz sovetskikh pisatelei SSSR. Dokumenty i kommentarii* [*Between the Hammer and the Anvil. Soviet Writers' Union of the USSR. Documents and Commentaries*], vol. 1: 1925 – iun' 1941 gg. [1925 – June 1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 5–24. (In Russ.)
3. Dinershtein, E.A. *Polozhivshiepervyi kamen'. Gosizdat i ego rukovoditeli* [*Who Laid the First Stone. The Gosizdat and Its Leaders*]. Moscow, Kniga Publ., 1972. 173 p. (In Russ.)
4. Zelenov, M.V. *Apparat TsK RKP(b)–VKP(b): tsenzura i istoricheskaja nauka v 1920-e gody* [*The Apparatus of the Central Committee of the RCP(b)–the CPSU(b): Censorship and Historical Science in the 1920s*]. Nizhny Novgorod, Volga-Vyatka Academy of Public Administration Publ., 2000. 540 p. (In Russ.)
5. *Izdatel'skoe delo v pervye gody Sovetskoi vlasti (1917–1922)* [*Publishing in the Early Years of Soviet Power (1917–1922)*]. Moscow, Kniga Publ., 1972. 240 p. (In Russ.)
6. Kukushkina, T.A. "K istorii seksii leningradskikh perevodchikov (1924–1932)". ["On the History of the Leningrad Translators' Section (1924–1932)"]. *Konets institutsii kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade* [*The End of Cultural Institutions of the 1920s in Leningrad*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 638–682. (In Russ.)

7. Moskovskaia, D.S. “‘Bez bozhestva, bez vdokhnoven’ia, ili kak RAPP nashel sebe rabotu v FOSP” [“‘Without a Deity, Without Inspiration,’ or How RAPP Found a Job in FOSP”]. *Slavic Literatures*, vol. 146–148, 2024, pp. 81–119. doi.org/10.1016/j.slalit.2024.05.005 (In Russ.)
8. Moskovskaia, D.S. “Ot Soiuza sovetskikh respublik k Soiuzu sovetskikh pisatelei: institutsional’nye kollizii proizvodstva proletarskoi literatury 1920–1930-kh godov” [“From the Union of Soviet Republics to the Union of Soviet Writers: The Institutional Collisions in the Production of Proletarian Literature in 1920s–1930s”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6, 2024, pp. 131–151. DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_131 (In Russ.)
9. Moskovskaia, D.S., and E.D. Gal’tsova. “V bor’be za proletarskuiu literaturu: finansovaia i politicheskaia sostavliaiushchie” [“In the Struggle for Proletarian Literature: Financial and Political Components”]. *Codex manuscriptus* [Codex Manuscriptus], issue 5: Estetika kommunizma: teorii i literaturnye praktiki [Aesthetics of Communism: Theories and Literary Practices]. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 223–276. https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-5-223-276 (In Russ.)
10. Muromskii, V.P. “Soiuz deiatelei khudozhestvennoi literatury (1918–1919 gg.)” [“Union of Fiction Writers (1918–1919)”]. *Iz istorii literaturnykh ob’edinenii Petrograda — Leningrada 1910–1930-kh gg.: Issledovaniia i materialy* [From the History of Literary Associations of Petrograd-Leningrad in the 1910–1930s: Research and Materials], book 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 125–196. (In Russ.)
11. Plotnikov, K.I. “Vserosskomdram i ego predshestvenniki: k istorii professional’nykh organizatsii dramaturgov v Rossii XIX–XX vv.” [“The All-Russian Drama Committee and Its Predecessors: Towards the History of Professional Organizations of Playwrights in Russia in the 19th–20th Centuries”]. *Codex manuscriptus* [Codex Manuscriptus], issue 3: Dokumental’naia istoriia russkoi literatury pervoi poloviny XX veka [Documentary History of Russian Literature of the First Half of the 20th Century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 329–359. https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2023-3-329-359 (In Russ.)
12. Saran, A.Iu. “Sistema ispolnitel’noi vlasti oblastnogo zvena v SSSR na rubezhe 1920–1930-kh gg.” [“The System of Regional Executive Power in the USSR at the Turn of the 1920s and 1930s”]. *Upravlencheskoe konsul’tirovanie*, no. 9, 2016, pp. 184–190. (In Russ.)
13. Starostin, Iu. N. “Iz istorii Gosizdata (1917–22)” [“From the History of the Gosizdat (1917–1922)”]. *Administrativno-komandnaia sistema upravleniia. Problemy i fakty* [Administrative-Command System of Management. Problems and Facts]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1992, pp. 121–132. (In Russ.)
14. Shirmakov, P.P. “K istorii literaturno-khudozhestvennykh ob’edinenii pervykh let sovetskoi vlasti: Soiuz deiatelei khudozhestvennoi literatury (1918–1919 gg.)” [“On the History of Literary and Artistic Associations of the First Years of Soviet Power: The Union of Literary Workers (1918–1919)”]. *Voprosy sovetskoi literatury* [Questions of Soviet Literature], issue 7. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1958, pp. 454–475. (In Russ.)
15. Shomrakova, I.A. “Gosizdat i mestnye otdeleniia” [“State Publishing House and Local Offices”]. *Knizhnoe delo Peterburga — Petrograda — Leningrada: Russkaia demokraticheskaia kniga* [Book Business in Petersburg — Petrograd — Leningrad:

Russian Democratic Book]. Leningrad, Leningrad State Institute of Culture Publ., 1983, pp. 73–89. (In Russ.)

16. Shomrakova, I.A. “Gosizdat i problemy optimal’noi struktury sovetskogo izdatel’skogo dela” [“State Publishing House and the Problems of the Optimal Structure of the Soviet Publishing Business”]. *Kniga i kul’tura* [Book and Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 120–132. (In Russ.)

17. Fitzpatric, Sheila. *The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts Under Lunacharsky, October 1917–1921*. London, Cambridge University Press, 1970. 416 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025

Одобрена после рецензирования: 24.03.2025

Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 08.02.2025

Approved after reviewing: 24.03.2025

Date of publication: 25.06.2025